

Н. В. Соловьева (Минск)

ГРАФИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В РУССКИХ ПЕРЕВОДНЫХ «ВЕСТЯХ» XVII ВЕКА

В XVII в. в рамках московского приказного делопроизводства начали регулярно осуществляться переводы зарубежных новостей о событиях в иностранных государствах. Появление такого рода текстов – «вестей» (или «курантов») – стало одним из ключевых моментов в развитии русской деловой письменности. Переводной характер новостных сообщений, с одной стороны, и отсутствие сложившейся традиции их написания – с другой, побуждали «курантельщиков» к своего рода языкотворчеству: структура, формуляр, особенности использования средств языка – все это складывалось непосредственно в процессе перевода и редактирования текстов. Особый интерес в этой связи представляют немногочисленные сохранившиеся черновые варианты «вестей», сопоставление которых с беловыми текстами позволяет проследить, что именно привлекало внимание переводчиков-составителей и подвергалось редакторской правке, и выяснить таким образом основные тенденции и направления «нормализаторской» деятельности «курантельщиков». Как отмечают исследователи, в скорописных «вестях» складывалась совершенно особая для своего времени орфографическая система. «Ориентированная на практические цели, обеспечивающая упрощение и ускорение процесса письма, данная система была более демократичной, доступной, а следовательно, более прогрессивной по сравнению с книжной традицией церковной письменности» [1, с. 22].

Опубликованные тексты «вестей» охватывают период с 1600 по 1660 гг., что дает возможность проследить варьирование написаний в динамике. Так, вплоть до середины XVII в. в черновых текстах отмечается значительное разнообразие графических вариантов окончания Р. п. ед. ч. местоименных форм прилагательных м. и ср. р., при этом встречаются как архаические книжные написания (*перечневаго*), так

и фонетические написания (*перечневова*). Сравнение черновых и белых текстов, созданных в период до 1650-х гг. XVII в., свидетельствует о стремлении редакторов «вестей» к унификации таких написаний. Поиск адекватной формы письменной фиксации затрагивал преимущественно выбор буквы согласного: *Г* в соответствии с этимологией / *В* в соответствии с произношением (*полковова* → *полкового*, но *ратнова* → *ратново*). При этом оба варианта исключали орфографическое закрепление аканья. Однако в текстах после 1650 г. такие написания уже характеризуются единообразием: в окончаниях Р. п. ед. ч. местоименных форм прилагательных м. и ср. р. регулярно пишутся *-ого*, *-его*.

Стремление избежать орфографического закрепления акающего произношения прослеживается не только в окончаниях, но и в корнях: *проважатых* → *провожатых*, суффиксах: *попаятавали* → *попаятовали*, приставках: *пасацково* → *посацково*. В последнем случае обращает на себя внимание мена *ЦК* → *ДЦК* на стыке корневой и суффиксальной морфем. Интересно, что исправление → *ДЦК* обнаруживается не только на месте фонетических, но и фонемных написаний: *городских* → *городцких*, *персидьскои* → *персидцкои*. Регулярность исправления → *ДЦК* говорит о стремлении к последовательной реализации фонемно-фонетического принципа в написании слов с суффиксом *-ск-*, при этом особенно важно было сохранить на письме фонемный состав корня и тем самым четко обозначить морфемный стык.

В текстах «вестей» до 1640-х гг. на конце существительных и местоимений независимо от падежной формы последовательны исправления *Ø* → *Ь*, в том числе и после букв внепарных твердых (*тот* → *тоть*, *иных* → *иныхъ*, *порутчиком* → *порутчикомъ*, *сторожеставец* → *сторожеставецъ*), при этом после мягких отмечается *Ь* → *Ø* (*кнзь* → *княз*, *помочь* → *помоч*). Ближе к середине XVII в. встречаются случаи обратноймены *Ø* → *Ь* для обозначения мягкости конечного согласного, которые приобретают характер устойчивой тенденции, в том числе и после букв внепарных мягких: *печал* → *печаль*, *пять* (*миль*) → *пять*; *корол* → *король*, *помоч* → *помочь*. Одновременно с этим мена *Ь* → *Ø* становится регулярной в формах И.–В. п. ед. ч. существительных мужского рода с твердой основой: *стань* → *стан*, *доль* → *дол*, *городокъ* → *городок*. С одной стороны, написание *Ь* для обозначения мягкости конечного согласного делало избыточным написание *Ь* для обозначения твердости. С другой стороны, последо-

вательная мена $\mathcal{B} \rightarrow \emptyset$ на конце И.–В. ед. ч. существительных м. р. могла быть обусловлена стремлением избежать омонимии с формами Р. п. мн. ч., традиционной для слов м. р. с *о-основами. В этой связи следует отметить наличие обратных правок $\emptyset \rightarrow \mathcal{B}$ после твердых согласных при написании слов мужского рода в формах Р. п. мн. ч. с нулевым окончанием (*тяжких неволных налог* → *тяжких неволных налогъ*) при $\mathcal{B} \rightarrow \emptyset$ в формах с окончанием *-ов* (*розсыльщикове* → *розсыльщиков*).

В то же время отмечается последовательная мена $\mathcal{B} \rightarrow \emptyset$ в грамматических формах Т. п. ед. ч. существительных мужского и среднего рода: *путьем* → *путем*, *дѣломъ* → *дѣлом*. Такого рода правки, очевидно, обусловлены отсутствием необходимости в графическом обозначении качества конечного [м], который в этой позиции отвердел после падения редуцированных. Интересно, что в падежных формах согласуемых слов обозначение твердости конечного [м] сохраняется, мена $\emptyset \rightarrow \mathcal{B}$ в таких случаях отмечается регулярно, в том числе и после 1650 г.: *однѣм словомъ* → *однѣмъ словом*, *всѣмъ свѣтомъ* → *всѣмъ свѣтом*.

После конечного [м] исправление $\mathcal{B} \rightarrow \emptyset$ регулярно и в глагольных формах 1 л. мн. ч. наст./буд. вр.: *хотимъ* → *хотим*, *дадимъ* → *дадим*. Противоположный характер исправлений $\emptyset \rightarrow \mathcal{B}$ отмечается в формах 3 л. ед. и мн. ч. наст./буд. вр.: *станут* → *стануть*, *идет* → *идеть*, и $\emptyset \rightarrow \mathcal{B}$ в инфинитиве (*напишат* → *написать*). Необходимость в таких написаниях была очевидна, поскольку отсутствие графического обозначения твердости приводило к появлению омографов (*стоят* – *стоятъ*? / *стоять*?, *посадит* – *посадитъ*? / *посадить*?). В то же время написание $\mathcal{B}$ и $\mathcal{B}$ в этой позиции нельзя назвать регулярным: в пределах одного текста даже в конце исследуемого периода зачастую встречаются различные варианты написаний: 1) *и ис простого чину члвка хотят они учинит великимъ везирем* (л. 47), 2) *он о томъ будет думать* (л. 48), 3) *хан курюистра хочеть розорить* (л. 50), 1656 г. [2, с. 114–115].

Еще один тип правок отражает закрепление буквы $\mathcal{B}$ в разделительной функции: *третей* → *третье[й]*, *умышленю* → *умышленью*, *о перемире* → *о перемирье*. Написание $\mathcal{B}$ перед [j] в исправлениях встречаются регулярно на протяжении всего рассматриваемого периода.

Значительное количество исправлений, отмеченное в беловых текстах, касается употребления дублетных букв *о – ѡ*, *з – ѕ*, *и – ѝ*, воз-

можность варьирования которых на письме была заложена уже в древнейших славянских текстах.

Сравнение правок $o \leftrightarrow \omega$ и $z \leftrightarrow s$ в текстах «вестей» свидетельствует об активном стремлении к упорядоченности в написании графических дублетов, однако не дает возможности говорить о системном характере таких исправлений. Ср.: $z \leftrightarrow s$ в начале слова перед буквой гласного: *зачат* → *сача[ть]*, но *запасают* → *запасають*; $o \leftrightarrow \omega$ в финальной позиции Р. п. ед. ч. неличных местоимений и местоименных прилагательных м. и ср. р.: *лутчего* → *лутчегω*, но *нишегω* → *нишего*; $o \leftrightarrow \omega$ в И.–В. п. существительных ср. р.: *воиско* → *воискоω*, но *величество* → *величествоω*; $o \leftrightarrow \omega$ на конце наречий: *вѣрно* → *вѣрноω*, но *пространно* → *пространноω*.

Напротив, в исправлениях $u \leftrightarrow i$ прослеживается определенная закономерность, свидетельствующая о функциональной дифференциации букв-дублетов. Сравнение черновых и беловых текстов «вестей» показывает, что на протяжении 1600 – 1660 гг. мена $i \rightarrow u$ регулярна при написании окончаний знаменательных частей речи (*с конными людми* → *с конными людми*, *всяли* → *всяли*). В то же время в функции союза регулярна обратная мена $u \rightarrow i$ (*и в лѣс* → *и в лѣс*).

Сравнение графических вариантов в черновых и беловых текстах «вестей» свидетельствует о существовании в русском деловом языке первой половины XVII в. некоторых орфографических тенденций, выразившихся в стремлении «курантельщиков» определенным образом упорядочить отдельные типы написаний. Многообразие представленных в текстах вариантных, нередко противоречивых исправлений отражает активный поиск адекватных графических средств фиксации элементов слова, в написании каждого из которых в результате многочисленных правок выявлялся свой приоритет, будь то узнаваемость морфемы, соответствие произношению или стремление избежать нежелательной омонимии. Однако в этом многообразии со всей очевидностью просматривается общая направленность редакторской деятельности «курантельщиков»: унификация написаний, способствующая простому и адекватному восприятию письменного текста.

1. Каверина, В. В. Правописание приставок в текстах русской деловой письменности XVII века (на материале Вестей-курантов) в контексте истории развития русской орфографической системы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / В. В. Каверина; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 1997.

2. Вести-Куранты, 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; отв. ред. В. П. Вомперский. – М.: Наука, 1996.